

Опрокинутые горы

15 февраля исполняется 30 лет со дня вывода советских войск из Афганистана. Наш собеседник – бывший воин-интернационалист, тракторист тракторист транспортного цеха ДОП ОАО «Гомсельмаш» Владимир Филончик

ПОВЕСТКА НА РУКУ ЛЕГПА.

В армию я призвался в ноябре 1982 года, воинская часть 2066, - рассказывает Владимир. - Попал служить в пограничные войска на границу Таджикистана и Афганистана, ближайший населённый пункт - посёлок Пяндж. После учебки, где среди прочих премудростей обучался и минно-взрывному делу, год прослужил в комендантском взводе. Мы охраняли склады с ГСМ и продовольствием, авиатехнику.

На втором году службы был переведён в десантно-штурмовую маневренную группу (ДШМГ).

В 1984 году ДШМГ Владимира Филончика в полном составе была отправлена «за речку».

Помню, нас одели в зимнюю форму, но оружия не выдавали. Запрыгнули в вертолёт Ми-8, который держал курс на Афганистан. Мы уже знали: летим менять «дембелей», таких же хлопцев из ДШМГ. Оружие, к слову, нам досталось там же, в наследство от них. Я получил ручной пулемёт Калашникова (РПК). Началась служба с распределения по подразделениям. Мы отправлялись служить на горный перевал на рубеже с Таджикистаном, только на афганской стороне, но за время службы побывали и в районе Мазари-Шарифа, и ещё много, где вдоль северной границы ДРА. На одном месте могли находиться максимум один месяц, затем нас ждала новая точка базирования. Всегда располагались вдали от

больших городов и кишлаков, почти всё время в горах.

Старшие товарищи и командиры учили молодых солдат на практике. Например, важной частью обучения стали правила безопасности, которые втолковывались вновь прибывшим. Допустим, нельзя было лезть в старый окоп, ведь их почти всегда минировали.

БОЕВАЯ РАБОТА.

- О минах мы были осведомлены ещё в учебке. Их там было много, самых разных: итальянские бескорпусные и американские мины-«лягушки» - выпрыгивающие из земли на метровую высоту плоские кругляки. Разрываясь, такие мины оставляли от человека в прямом смысле слова одни останки. Кроме этих противопехотных мин были ещё и такие, которые не убивали бойца, а отрывали ступню или ногу по колено. Адский механизм срабатывал, когда наступивший человек убирал ногу с корпуса мины. Было немало

растяжек самых разных видов. Надо сказать, что знания о боеприпасах мне там здорово пригодились. Помимо патрулирования горных перевалов, мы занимались обходом приграничных кишлаков, где часто укрывались и получали поддержку душманы. Нашей задачей было обнаружить противника. Обычно ДШМГ делилась на две части: первая группа шла «по верху», то есть выше, по горной тропе, над кишлаком, а вторая - «по низу», она и заходила первой в населённый пункт. Чаще я попадал как раз во вторую. Обычно в «верхней» команде шёл переводчик, «толмачом» у нас был таджик Сангов. Мы искали душманов или их пособников, оружие и боеприпасы. На боевом задании нужно было много ходить. К примеру, целый день идём в одну сторону, к ночи занимаем позицию и сидим в засаде, на утро таким же образом следуем в другом направлении. С горы идти куда легче, чем в гору.

Воздух разреженный, жара. Ещё помню обилие всяких ползучих гадов. Если со змеями мы особо не сталкивались, то скорпионы были повсеместно, будто специально нас искали. Укус скорпиона всегда сопровождался высокой температурой. Залезал он и ко мне в спальный мешок. Я вовремя почувствовал, что кто-то ползает по ноге, выскочил из мешка и вытряхнул скорпиона. Не успел он меня укусить.

ПО МЕЧЕТИ НЕ СТРЕЛЯТЬ!

- Во время одного из таких походов, когда мы вошли в кишлак, раздались выстрелы, а потом начался сильный обстрел со стороны гор. Переводчик Сангов был убит, мы же не стали вступать в открытый бой, а запросили поддержку с воздуха и укрылись в

недостроенной мечети, которая была почти в центре кишлака. Когда вертушки были на подходе, сообщили пилотам, чтобы не работали по мечети. Те неуправляемыми реактивными снарядами начали зачистку с воздуха прилегающей к кишлаку местности. По мечети пилоты не стреляли.

ОГОНЬ НА ПОРАЖЕНИЕ.

Там как-то не думалось о том, что можешь убить: в тебя стреляют - ты стреляешь. Обходили однажды группой кишлак в поисках схронов с оружием или укрывшихся боевиков. И вдруг с гор началась пальба. Я успел заметить точку, откуда работал пулемёт. Группа залегла, но видимость - неплохая, вблизи - несколько дувалов. Я с РПК перепрыгнул арык, в несколько прыжков добежал до ближайшего строения, поставил пулемёт на выступ и открыл огонь, расстреляв весь магазин. «Дух» замолчал. Подумалось тогда, что убил душманского пулемётчика. Но, нет, оказалось, моджахед бросил свой пулемёт и сбежал в горы, а пулемёт достался нам в качестве трофея. Буквально через неделю с той же самой горы по нам отработали из миномёта. Был ранен один сослуживец. Насчёт огня на поражение скажу одно: когда стреляет всё отделение, кто попал и в кого - судить трудно. В открытый бой, так, чтобы кого-то застрелить в упор, лично я не вступал. Убитых моджахедов всегда обыскивали, найденные при них документы и письма отправляли в спецчасть. Особицам же отдавали живых пленных, если таковые были.

ПРЕДЧУВСТВИЕ СМЕРТИ.

- На войне у человека все чувства и ощущения обострены до

предела, в чём самому довелось убедиться. Служил у нас рядовой, чуваш по национальности. В один из дней пришёл приказ о переводе его в другую такую же ДШМГ, где людей не хватало. Но наш боец упёрся и ни за что не соглашался переводиться, пытаюсь всеми правдами и неправдами остаться в группе. Однако в армии демократии нет, приказ есть приказ. Его перевели, а буквально через несколько дней солдат погиб, подорвавшись на mine. Чувствовал, наверное, приближающийся конец, вот и не хотел переводиться. Помню, как сам один раз чуть не сорвался в пропасть и чудом устоял на ногах. Всякое бывало.

О МИРНОМ НАСЕЛЕНИИ.

Что греха таить: мирным людям тоже доставалось, когда вертолёты работали по «зелёнке», откуда шёл обстрел в нашу сторону. После налётов к нам неизбежно шли раненые разных степеней тяжести из числа мирного населения. Были там и женщины, и дети, и старики. Мы никому не отказывали, всех старались вылечить, всех принимали. Вообще, наши контакты с местными жителями были ограничены: они сами по себе, мы - сами по себе. Но если из кишлака по группе открывался огонь, то всегда реагировали. А во время досмотра жилищ хозяева обычно вели себя тихо.

СМЕРТЬ НА ГЛАВАХ

– Хорошо помню, как впервые в жизни увидел падающий вертолёт Ми-24. Это было во время одного из наших многочисленных переходов. Утром того дня мы видели два вертолёта: Ми-8 и Ми-24. Летели они парой в сторону выложенной камнями вертолётной площадки. Обе машины скрылись за

перевалом. Потом мы опять увидели Ми-24, он летел уже один. В какой-то момент машину резко бросило вправо, лопасти коснулись земли, и вертолёт упал неподалёку от места нашего нахождения, буквально у нас на глазах.

Помню, что командир из передней кабины выскочил сам, пилота-оператора из второй кабины мы помогли достать, а вот стрелок в салоне вертолёта сгорел заживо. Когда вытащили лётчика, то попытались открыть и салон. Дверь заклинило, мы прикладами по ней молотим, и слышим, как начинает взрываться боекомплект. Наконец дверь вертолёта открыли, а нам навстречу огонь вырывается. Уже некого было спасать. Командир вертушки орёт: «Бегите, сейчас баки рванут!!». Вот так всё и закончилось. Где-то через пару дней после того случая вызвали нас к особистам, они с каждого объяснительную взяли, что мы видели и как всё было. Вроде бы тот Ми-24 уже был повреждён раньше.

НАГРАДА НЕ НАШЛА ГЕРОЯ

– Выходили из Афганистана тем же порядком. В положенный день погрузились на вертушки и перелетели в расположение своей воинской части 2066 в Таджикистане, в районе Пянджа. Там уже готовились на дембель. Я, помню, попал в первую группу, так как мы, белорусы, жили далеко от места прохождения службы, и таких солдат отправляли первыми. Представляли меня к награждению медалью «За боевые заслуги», командир части подписал, да вот куда-то представление то потом подевалось. Так и не получил медаль. Но есть нагрудный знак «Воину-интернационалисту» и юбилейные награды.

Андрей ПОПОВ.
Фото автора и из личного
архива В. Филончика.